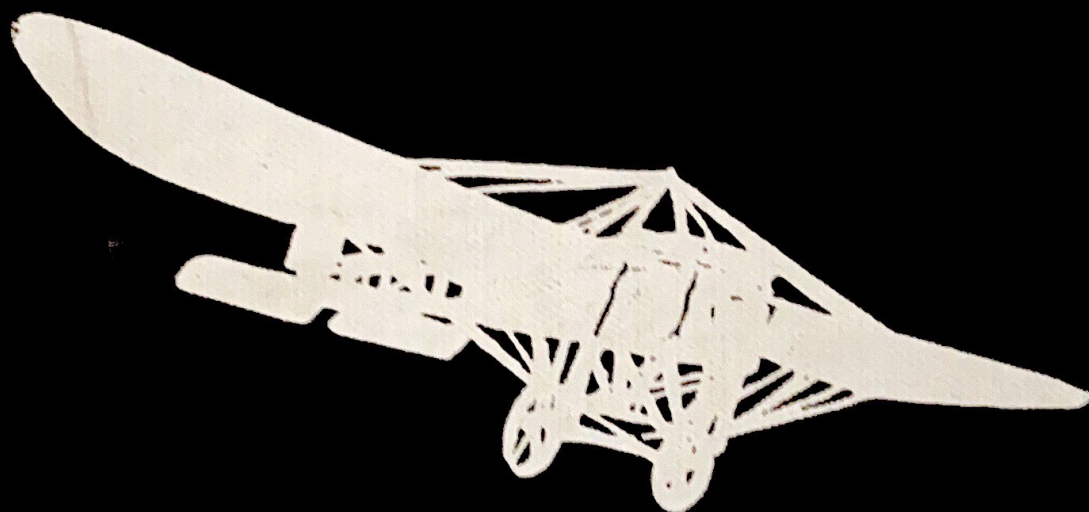

В 81-17
206

ЮРИЙ
ГАЛЬПЕРИН

ВОЗДУШНЫЙ
КАЗАК
ВЕРДЕНА

В 81-17/206

ЮРИЙ ГАЛЬПЕРИН

ВОЗДУШНЫЙ КАЗАК ВЕРДЕНА

повесть-хроника

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1981

КОНТРОЛЬНЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ

Ошибка энциклопедии

Весной 1956 года я приехал в Варшаву, чтобы вести репортаж о популярнейшем международном соревновании велосипедистов — гонке Мира. Теперь, когда есть телевидение, можно вообще не выезжать на трассу, а следить за происходящим, сидя у экрана в пресс-центре. Но это для ленивых журналистов. В ту пору было просто необходимо мчаться в автомашине за велосипедистами, наблюдая за ходом борьбы, успевать первым на финиш, где уже ждет микрофон, а потом еще спешить в радиостудию, чтобы передать свой репортаж в Москву.

Когда попадаешь к зарубежным коллегам, то не жди, чтобы тебя без расспросов и дружеского застолья отпустили в отель. Варшава в этом смысле не исключение.

Не знаю уж, как это произошло, но товарищи из польского радио узнали, что я недавно вернулся с Северного полюса, и, естественно, больше всего расспрашивали о жизни на льдине, арктических перелетах.

— Скажите, — спросил редактор русского отдела Станислав Коженевски, — а вам знакома фамилия Нагурский?

— Конечно! Это же русский офицер, если не ошибаюсь, поручик по Адмиралтейству, знаменитый авиатор. Вы о нем спрашиваете?

— Да, да, — оживился Станислав, — именно так. А что еще помните?

— Ну как же, — оживился я, — его считают отцом полярной авиации, ее основоположником, это и в энциклопедии написано. Он же первым в мире летал во льдах... Было это в 1914 году, когда искали пропавшую экспедицию русского мореплавателя Георгия Седова...

Началось и у нас. Перебивая друг друга, мы требовали подробности: как же могло произойти, что человека похоронили заживо, а он целых сорок лет молчал? Фантастика!

— Да я сам только что узнал об этом от своего товарища, который знаком с Центкевичем. Он дал мне

адрес Нагурского, и я успел договориться с ним о выступлении у нас на радио... Ну, Юрий, принимаешь мой подарок?

— Боже мой, Станислав! Принимаю ли я такой щедрый, просто царский подарок?! Это самая большая сенсация в моей жизни! Будет исправлена ошибка в энциклопедии, и какая ошибка!..

Мечта о крыльях

Продолжая поиски в архивах, я засел за книги по истории авиации. Их, к сожалению, оказалось до обидного мало, а хотелось составить представление об удивительном пути от мифических крыльев Икара до первого аэроплана.

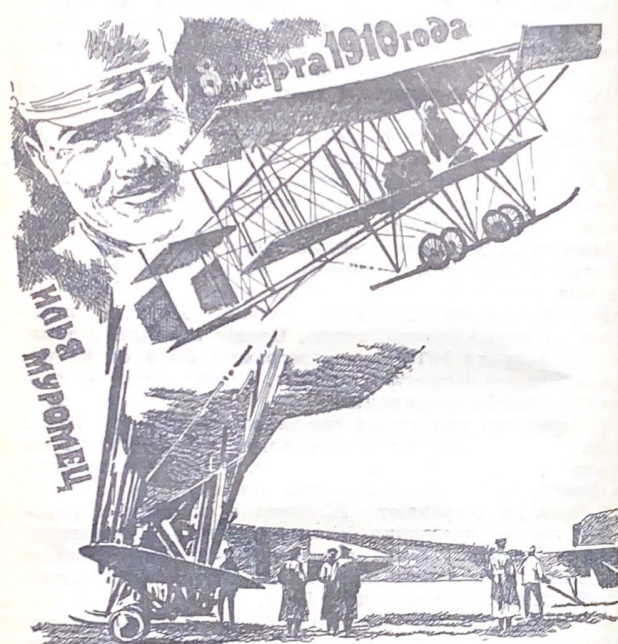
Помните неумирающую легенду о людях-птицах — Икаре и Дедале? Изустное предание записал Овидий, а неведомый древнегреческий художник за две тысячи лет до нашей эры высек ее героев на мраморном барельефе, еще один нарисовал на прекрасной вазе... Летят в поднебесье отец и сын, гордо раскинув крылья, склеенные воском из птичьих перьев, нитками шитые... А летят... И хотя солнце растопит воск на крыльях дерзкого юноши, и рухнет он в море, люди, мечтающие о крыльях, назовут море это Икарийским в честь храбреца.

Мифы не только развлекают, они обнадеживают мечтателей, зовут дерзать. Приблизительно за четыреста лет до нашей эры уже в письменной истории начинают встречаться рассказы о полетах механических конструкций, вроде деревянного голубя ученого-геометра Архита. Во времена Нерона римляне могли наблюдать опыты с примитивными планерами. Средневековые историки описывают «железную муху» Йоганна Мюллера, жившего в XV веке.

Особое место занимают величайшие открытия Леонардо да Винчи, первого изобретателя геликоптера, воздушного винта.

Мысли об освоении воздушного океана одолевают даже духовных особ. Так, в XVII веке Джон Уилкинс, лорд-епископ Честерский, указал четыре способа, которыми люди могут подняться в воздух: дыханием ангелов, при помощи домашних птиц, посредством

бал в международных авиационных состязаниях. Вы знаете, что над русскими за границей посмеиваются? Куда, мол, русскому медведю в небо! А я хочу показать им, на что способны русские. Пусть не смеются!

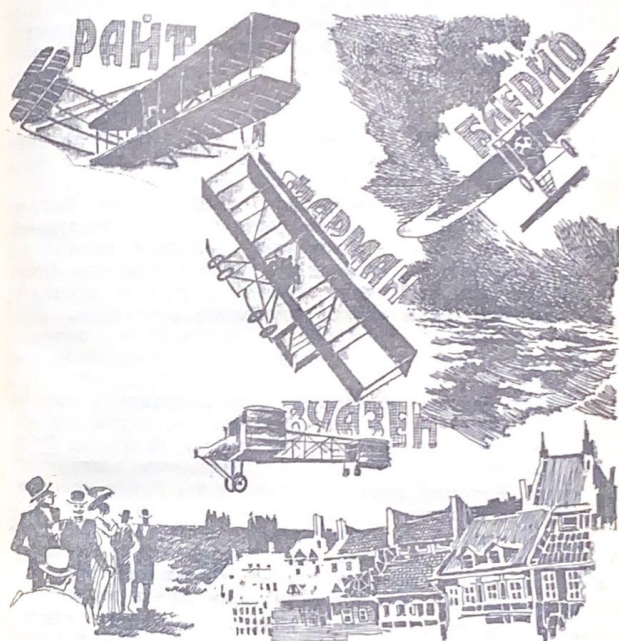
— Если уж вам так надо ехать во Францию, — с иронией произнес банкир, — то я не возражаю: уплатите неустойку, и вы свободны!

Ксидиас уверен, что этим аргументом сразу же поставил Ефимова на место, в его глазах нескрываемое торжество.

— И вы настаиваете на пятнадцати тысячах? — спросил авиатор.

— Ладно, я бы взял и десять!

— Господа! Прошу быть свидетелями, — говорит Ефимов. Достав бумажник, он быстро отсчитывает двадцать шесть тысяч франков. — Прошу, господин Ксидиас, пересчитайте!

У банкира от изумления открылся рот. Удивлены и все присутствующие. Откуда у Ефимова деньги?...» Получив расписку Ксидиаса о расторжении контракта, Ефимов свободным человеком покидает аэроклуб.

8 марта 1910 года — памятная дата истории отечественной авиации. В тот день первый русский летчик совершает первый свой полет в России.

Поиск

В раскопе древнего городища археологи маленькими лопатками снимают слой за слоем, просеивая каждый комочек земли: вдруг да в нем затаилась бусинка из ожерелья либо прячется монета, кольцо, сломанный наконечник стрелы... Никто не знает, в каком углу рыть, где ожидает счастливая находка. Так и работа первопроходца новой темы в архивах: в каких разделах-углах, в каких папках с казенными бумагами, в каких публикациях рыться, просеивая каждый документ, каждую газетную страницу из боязни пропустить нечто важное. (А что?) Земля в раскопе во всех углах одинакова, в архивах один документ непохож на другой. Просматриваешь бегло, вдруг зацепишься за любопытный факт и уже не оторваться, хотя к заботам твоим это отношения не имеет. А газеты? Они даже в объявлениях рисуют другую эпоху, ее быт. Не пройдешь и мимо фотографии известного исторического лица, броского заголовка статьи... Бесконечны соблазны... И волей-неволей ты исследуешь, пусть только для себя, жизнь, нравы, обычаи прошлого.

Мое «городище» — авиация. Я знаю, что ищу, известны, хотя и не все, имена русских летчиков, их друзей-соратников, сражавшихся в небе Франции. Но где, в каком месте встретятся нужные мне имена, события, с которыми связаны судьбы этих людей, детали, крупницы их биографий, чтобы потом попытаться воссоздать образы таких дорогих мне, но пока все еще малознакомых героев-летчиков?..

Перелистываю журнал «Аэро», читаю: «...На заседании совета Всероссийского аэроклуба... было доложено, что мертвым петлям во Франции в настоящее время уже обучаются авиаторы: М. Н. Ефимов, А. М. Габер-Влынский и Х. Славороссов».

Аппарат давно остановился, Генрих соскочил на землю:

— Видишь теперь, что ты умеешь летать! Видишь! Полети вокруг аэродрома, только один... Ну сразу, давай мотор...

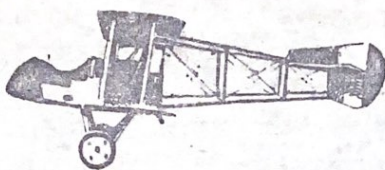

Осмелевший Шерэ подчиняется, даже не попытавшись спорить. Снова разбегается «фарман», полет по кругу, посадка.

Никогда не летавший Сегно чувствует себя победителем и, как инструктор мосье Адольф, хвалит Шерэ.

— Молодец Леон! Давай еще...

Поверив в свои силы, Шерэ стал летать один, тре-

Гатчинцы

В один из майских дней 1914 года на летном поле Гатчинской авиационной школы разбился поручик Стоякин, один из самых опытных инструкторов, среди питомцев которого был и знаменитый летчик Нестеров.

Около груды обломков, еще не убранных с аэродрома до осмотра их комиссией, стояла группа офицеров. Нахмуренный, усатый полковник Ульянин, начальник школы, зло пнул ногой торчащий из кучи остаток хвоста «морана». Один из первых русских летчиков, получивший свой диплом во Франции еще в 1910 году, он пережил немало катастроф, но эта...

— Кто видел сам, господа? — повернулся он к молчавшим офицерам.

— Самолет опробовали после сборки, — начал поручик Кованько, сын генерала.

— Знаю, — обрезал Ульянин. — Вы взлет наблюдали?

— Да... Направление от ангаров в сторону леса, правее тех сосен метров на двадцать...

Кованько показал рукой на четыре сосны, стоявшие чуть не в центре небольшого аэродрома, ближе к его границе.

— Когда Стоякин оторвался, на выдерживании, в самом конце, задуло сильно справа, и его понесло прямо на сосны.

— Высота какая?

— Метров шесть-семь набрал, не больше. Стоякин так с креном отвернул вправо, получилось скольжение и... врезался...

— Давно пора убрать эти проклятые сосны! — почти выкрикнул штабс-капитан Руднев. — Такого человека погубили...

Заговорили и другие инструкторы. Ульянин молчал, переводя взгляд с обломков на сосны, потом, резко повернувшись, ушел.

К инструкторам подошли стоявшие поодаль ученики: поручик конной артиллерии Крутень, поручик Смирнов, уланский штабс-ротмистр Казаков...

— Ну, рыцари неб! — повернулся к ним штабс-капитан Горшков. — Поняли, что такое авиация?.. Летать не расхотелось?

— Почему же сосны эти не спят? — спросил вместо ответа Крутень.

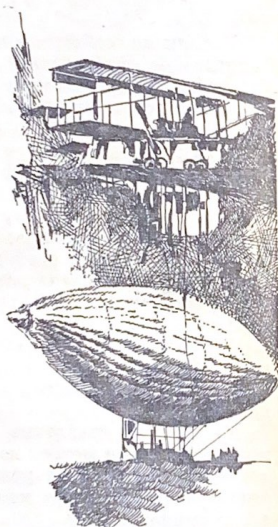
— Сколько раз уже просили, — сердито ответил поручик Модрах, — мы же тут не хозяева.

— А кто?

— Управляющий Гатчинский дворцом, вот кто!..

— Ну и что? — продолжал допытываться Крутень.

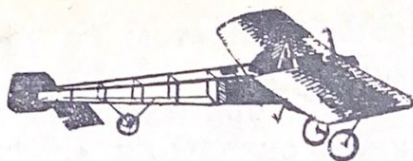
— Вдовствующая императрица привыкла видеть их из своего окна, отвечает управляющий. Ясно? — вмешался Руднев, чтобы закончить разговор. — Пошли, господа... Кто не знает — похороны завтра.

Ян Нагурский
(стр. 8).

Евгений Кузнецов
(стр. 12).

Добровольцы

Лето 1914 года...

«5 августа возьму Брюссель, 11-го обедаю в Париже, 19-го высаживаюсь близ Петербурга».

Так, если верить печати, отмечал германский император Вильгельм в своем журнале походные планы после того, как объявил войну почти всей Европе.

Париж. Узкая улица Рю-де-Гренель с утра до вечера заполнена толпами русских. Застигнутые войной во Франции, они осаждают посольство. Мужчины, а их большинство, рвутся на прием к военному агенту, как тогда назывался военный атташе. В садике перед красивым белым особняком нетерпеливая очередь, все возбуждены. Но выехать из Франции на родину невозможно — сухопутные границы закрыты, пока Англия не вступит в войну — прекращено паровое сообщение. Что делать, как быть?

Люди все прибывают, и военный агент, полковник граф Игнатьев, приказывает вынести стол прямо в сад.

«Принимая в свое ведение во дворе посольства неорганизованную и возмущенную толпу, я не предполагал встретить в ней столь разнообразные и даже враждебные друг другу элементы, — вспоминает спустя годы генерал-лейтенант Советской Армии Алексей Алексеевич Игнатьев.

— Я должен переговорить с самим военным агентом, — таинственно заявляет еще нестарый гражданин, сохраняющий под штатским пиджаком военную выправку. Он оказывается одним из офицеров саперного батальона, поднявших восстание в 1905 году, и бежавшим за границу.

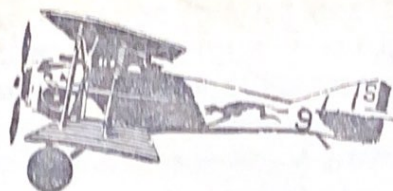
— Я эмигрант, враг царского режима, — заявляет другой.

Мюнхене, откуда проедет в Берлин и потом Россию, возможно, через Финляндию анархист Константин Акашев... Акашев окончил авиаторскую школу в Париже, бывал в Италии, имеет паспорт на имя Константина Елагина, студента Московского университета.

Цель поездки в Россию — применение аэропланов в террористических актах. Приметы: лет двадцати трех-пяти, высокий шатен, худой, глаза голубые, нос длинный прямой, усы маленькие рыжие. Одет в серый пиджачный костюм, носит серую легкую фетровую шляпу с проломом.

Возможно, Акашев является Добролюбовым, что

Рыцари неба

Подробности гибели Эдуарда Пульпе стали известны Крутеню из письма товарища по Гатчинской школе. И вновь он пережил большую утрату, очень хотел встретиться с этим замечательным истребителем, даже специально в Авиаканц обращался, чтобы прислали Пульпе на время в его отряд.

Начав войну рядовым летчиком, Крутень быстро выдвинулся. Летал он уверенно, смело, как-то по-своему, острее других переживал невозможность сразиться с врагом один на один. Какое на самолете оружие? С горьким чувством читал он случайно попавшееся в делах отряда разъяснение начальника воздухоплавательной части Генерального штаба генерал-майора Шишкевича, разосланное незадолго до войны:

«...Пистолеты Маузера составляют неперемennую принадлежность боевого комплекта аэропланов («Фарман-XVI»), для действия тех лиц, кои совершают полет, причем каждому указанному аэроплану должно придавать два пистолета с соответствующим количеством патронов...»

Когда он прибыл на фронт, мало что изменилось — вместо пистолетов брали в полет винтовку, автоматическое ружье. И все, что мог сделать Крутень, летая на двухместных аэропланах, — выбрать из летнабов наиболее меткого стрелка. Но желанных побед это не приносило. Редко, редко удавалось выигрывать подобный бой. И Крутень первым в русской авиации заговорил о завоевании господства в воздухе. Он хорошо понимал утверждение крестного отца — Нестерова: «Участие авиации в войне сведется к борьбе между самолетами».

Став начальником 2-го армейского авиационного отряда, Крутень говорил своим летчикам:

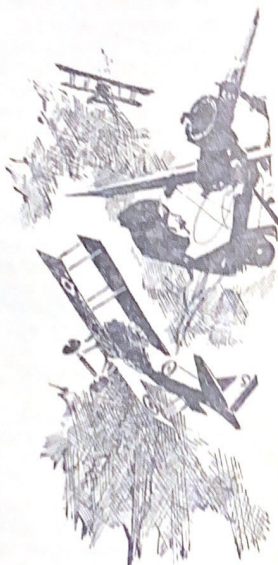
«Пленение австрийского аэроплана коровой.

В газетах уже сообщалось, что появляющиеся в окрестностях Луцка австрийские аэропланы производят «охоту» на жнейки и молотилки, разрушая их сбрасываемыми бомбами. Не ограничиваясь этим, аэропланы, заметив работающих на полях по уборке хлебов крестьян, начинают обстреливать мирных поселян из пулеметов...

Аэроплан, охотившийся, по-видимому, на поселян, спустился в поле в окрестностях Луцка. Работавшие в поле, заметив, что аэроплан австрийский, бросились в соседнюю деревню, где находилась воинская команда.

Летчики, увидев возвращающихся крестьян с солдатами, стали спешно готовиться к подъему. Пасущееся около места спуска аэроплана стадо коров бросилось в направлении аэроплана и рогами разбило пропеллер у аппарата. Не сумевшие подняться летчики были окружены подоспевшими солдатами и взяты в плен со своей машиной».

— Теперь будут знать, — рассмеялся Кедров, — действительно

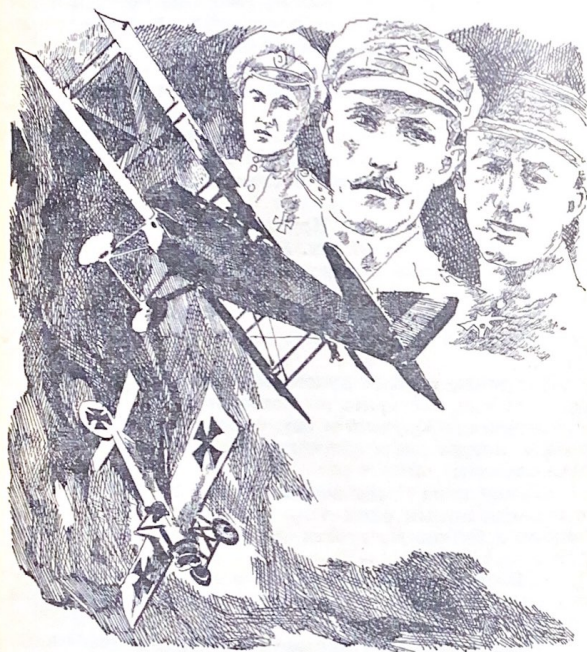
Французская эскадрилья на маневрах перед первой мировой войной.

Перед полетом.

Не дожидаясь возможности издать свои труды обычным образом, на что потребуется время, Крутень быстро выпускает их сам: «Фотолитотипография при Канцелярии», как означено на обложке, отпечатаала на серой бумаге несколько брошюрок: «Командир

2-го авиационного отряда истребителей капитан Крутень. Кричащие нужды русской авиации», «Что думалось в Лондоне», «Тип аппарата истребителя», «Создание истребительных групп в России. Конспект», «Воздушный бой»...

Брошюрки немедленно расходятся по боевым частям. Это первый в России военно-теоретический труд по авиации, многие из его положений позднее помо-

гут становлению советской истребительной школы, будут блестяще развиты в годы Великой Отечественной войны.

Боевая практика, доводы Крутень сделали свое дело — с осени 1916 года появились на фронтах истре-

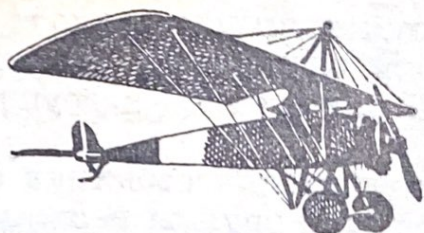
бительные группы, объединившие несколько отрядов. Один из них возглавил капитан Крутень, продолжая по-прежнему лично участвовать в боях.

26 мая 1917 года, патрулируя над русскими позициями, Крутень обнаружил в облаках вражеский самолет и тут же его атаковал. Завязывается бой. Замотав противника каскадом фигур, летчик не только сумел подбить врага, но, верный своему принципу, за-

направлено такое письмо: «Су-лейтенант Федоров эмигрировал во Францию после 1905 года. По объявлении войны поступил охотником во французскую армию, где кончил авиационную школу и произведен в су-лейтенанты, награжден французскими орденами за храбрость.

В качестве выдающегося летчика, сбившего не один немецкий аппарат, он был командирован французским правительством в Румынию. Ввиду крайней нужды России в инструкторах по тактике воздушного боя Федоров после личного свидания с Авиадармом, который заверил его, что он не будет привлечен к ответственности за свое политическое прошлое, согласил-

Разбитые крылья

Еще при Аргееве прибыл из Франции в группу Казакова тоже гатчинец, но более младшего поколения, летчик Иван Павлов.

Личный состав в группе Казакова был самым сильным в царской армии, самолеты тоже лучшие, дисциплина поддерживалась строгая, воевали безотказно — настоящие гвардейцы.

Человек из народа, по довоенному образованию агроном, Иван Павлов пользовался особым доверием летчиков из солдат, механиков, мотористов и не стремился к сближению с офицерской элитой. Свое право на независимость он завоевал безупречной боевой репутацией.

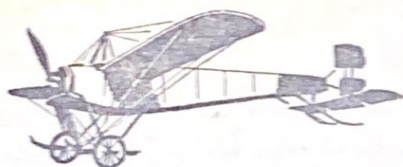
Аэродром, где стояла авиагруппа, располагался далеко от наземных частей, напряженная боевая работа продолжалась и после Февральской революции, они были как бы в стороне от бурливших страстей.

— Наш долг бить врага и побеждать, — определил положение Казаков, — Россию защищать — это наша главная политика. В остальном без нас разберутся.

Но так долго быть не могло. После отступления армий Юго-Западного фронта на реку Збруч группа Казакова перебазировалась в местечко Дунаевцы Каменец-Подольской губернии. Летать стали реже, а вести о переменах, политической борьбе распространялись все шире, сильнее будоражили души.

Офицеры, среди которых было немало монархистов, ощущали приближение новых событий, все больше отгораживались от «серой скотины», ударились в разгульное пьянство.

Казаков держался в стороне, в попойках не участвовал, почти не показывался на глаза.

Красвоенлет

Переход в дружину выбил Славороссова из колен: едва столкнувшись с новыми обязанностями, непривычным окружением, он понял, что совершил ошибку.

— На кой черт связался я с этим господским сбродом, — жаловался он Тане, — им бы только прикрыться службой, никому этот бескрылый отряд не нужен, фальшь сплошная!..

— Ну и уйди, чего ты мучаешься? Ведь решил готовиться в институт, вот и скажи... Ты же освобожден от военной службы, налетался, навоевался честно. И доктор опять предупреждал — ногу не бережешь... Ну что ты молчишь?

— Да что я, мальчишка? Сегодня согласился, завтра ухожу... Думал, подготовлю отряд, научу чему-то летчиков. А у них одни банкеты, речи, каких-то дамочек привозят, шантаж сплошной... С техникой еще толком не организовано... Куда я побегу?..

Славороссов действительно решил сдать экстерном за реальное училище, чтобы поступить в технологический. Об этом ему постоянно напоминали родители жены, особенно ее отец, профессор. Он вообще звал их переехать к нему в Томск, где обещал помочь в подготовке, пригласить хороших репетиторов, там же и институт известный. Тем более что они ребенка ждут, где одним управиться.

— Конечно, вам бы очень хорошо в институт, — поддержал его руководитель технической службы отряда Евгений Сергеевич Андреев, с которым Славороссов поделился своими заботами. — И что летный состав у нас никудышный, вы правы. Барская затея... Но куда теперь деваться, надо организацию закончить. Подождите немного, получим матчасть, может, летчиков пришлют получше, а там и уйдете. Время-то нынче сложное, неизвестно, что будет...

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	3
ОШИБКА ЭНЦИКЛОПЕДИИ	7
МЕЧТА О КРЫЛЬЯХ	18
ПОИСК	45
ВО СЛАВУ РОССИИ	61
ГАТЧИНЦЫ	111
ДОБРОВОЛЬЦЫ	124
БЕГЛЫЙ КАТОРЖНИК	139
ПОДВИГ	151
ВОЗВРАЩЕНИЕ	168
«С ВУЛКАНОМ В СЕРДЦЕ»	176
РЫЦАРИ НЕБА	196
«ВОЗДУШНЫЙ КАЗАК ВЕРДЕНА»	227
РАЗБИТЫЕ КРЫЛЬЯ	287
КРАСВОЕНЛЕТ	296
БОЕВЫЕ ДРУЗЬЯ	326

ИБ № 2141

Юрий Мануилович Гальперин

ВОЗДУШНЫЙ КАЗАК ВЕРДЕНА

Редакторы **В. Таборно, Ю. Сорокин**

Художники **Б. Федотов, А. Семенов**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **Е. Брауде**

Корректор **Е. Самолетова**

Сдано в набор 12.05.80. Подписано к печати 11.12.80. А14456.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Печать высо-
кая. Гарнитура «Школьная». Условн. печ. л. 17,64 + 1,68 вкл.
Уч.-изд. л. 19,7. Тираж 100 000 экз. Цена 95 коп. Заказ 537.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типогра-
фии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.